

Математики и история

Академик С. П. Новиков

ПЕРВЫЕ ШАГИ МОРОЗОВЩИНЫ

Много лет назад мы с братом Андреем почти каждое воскресенье ездили в гости к Ляпуновым, где собирались школьники — мальчики и девочки из небольшого дружеского круга интеллигентных математических семей. Бывал там и Владимир Игоревич (Дима) Арнольд, он на год старше меня. Восторженный энтузиаст, необыкновенно красивый и принадлежавший к одной из наиболее родовитых русских дворянских семей, Алексей Андреевич Ляпунов (ученик моего отца) организовал из нас ДНО — детское научное общество — и знакомил нас с началами разных наук, особенно биологии. Где-то около 1950—1951 г. он рассказал нам о попытке известного революционера-народника Н.А.Морозова, отсидевшего 20 лет в Шлиссельбурге, базируясь на астрономических явлениях, явно или аллегорически (по его мнению) описанных в Библии и прочих древних книгах, дать истинные датировки исторических событий. Получалось, что войны классической Эллады, например Пелопоннесская война, должны датироваться не концом V в. до н.э., а VIII в. н.э., когда Грецией владели крестоносцы-франки. И так далее. Короче говоря, по Морозову, вся древняя история, которую мы знаем, — полная чушь.

Мои родители очень разозлились на Ляпунова за приобщение нас к этой (по их мнению) чепухе. Впрочем, как раз к тому времени возник известный радиоуглеродный метод, в основном подтвердивший стандартные датировки. После этого Алексей Андреевич никогда к истории не возвращался. Он внес большой вклад в защиту биологии и биологов, в борьбу против Лысенко (дочери Алексея Андреевича — мои старинные друзья — и члены их семей стали биологами).

Много лет я не вспоминал Морозова, полагая, что все это кануло в Лету. Но не тут-то было. В 1967 г., уже будучи молодым член-кором (меня избрали в 28 лет), я вернулся из первой своей заграничной командировки — из США (раньше меня не пускали без мотивировок, а после наказали еще на 10 лет за подписание писем в защиту диссидентов, в частности А.С.Есенина-Вольпина) и почти сразу поехал в новосибирский Академгородок на топологическую конференцию. И вот там-то мой бывший научный руководитель Михаил Михайлович Постников выступил с лекцией об исторических открытиях Морозова. (Я не был на этой лекции, но слышал о ней от друзей и коллег.) Это было в июле 1967 г.

Я изучал топологию в семинаре Постникова начиная с 1956 г. Он был очень компетентен в этой области тогда, но буквально через два года мы поняли, что Постников (которому было всего 30 лет) — уже в прошлом как блестящий ученый. Насколько я знаю, Постников поверил в то, что радиоуглеродный метод несостоятелен: он требует большого количества материала для статистики, которого, по его мнению, никогда нет. Кроме того, действительно выяснилось, что необходимы поправки, связанные с изменением радиационного фона Земли. Кажется, эти поправки не превышают 500 лет для событий 5000-летней давности, но если очень хочешь во что-то поверить, можешь из копеечных событий сделать вывод на рубль... Я посмеялся и забыл о морозовщине еще на 10 лет.

К середине 70-х годов моими лучшими учениками в топологии, уже созревшими и признанными в мировой науке, стали В.М.Бухштабер, А.С.Мищенко и (отчасти) А.Т.Фоменко, который был также учеником П.К.Рашевского, нашего тогдашнего заведующего кафедрой, человека честного и интеллигентного. Они уже прошли уровень признания, выразившийся в приглашении сделать секционные доклады на международных конгрессах математиков. К этому времени я стал работать в математической физике. Фоменко сильно помог мне, когда я в 1971—1975 г. взялся за постановку курса Римановой геометрии на мехмате (эта программа встретила сопротивление). Необыкновенно симпатичный по-человечески, Фоменко нравился и мне, и многим другим еще и как автор весьма неплохих картин, к которым, однако, следовало бы особенно присмотреться, — по моему мнению, они заставляют задуматься о психических особенностях его личности.

Некоторые странности я стал замечать и в его математической деятельности. В 1977—1981 гг. Мищенко и Фоменко написали серию, на мой взгляд, малосодержательных работ об интегрируемых системах. Я тогда же говорил им это, но не встретил понимания. Как видно, выйдя из топологии, они не смогли освоить главного в новой для себя области — теории интегрируемых систем, разобраться, что здесь интересно, а что нет. Мое мнение совпадало с мнением других профессионалов. Мне кажется, это показательно: если люди не могут понять соседней области математики, им, безусловно, еще труднее проникнуть в суть иных, чуждых математике, наук — таких как история.

ЭТАП РАЗВИТОЙ МОРОЗОВЩИНЫ СРЕДИ МАТЕМАТИКОВ

Во второй половине 70-х годов Михаил Михайлович Постников добился большого успеха. Он обратил в морозовскую веру группу талантливой мехматовской молодежи. Из моих учеников это Фоменко и Мищенко, к которым примыкали и другие, вскоре, однако, потерявшие к этому интерес. Поначалу Толя Фоменко пытался убедить и меня. Он считал,

что как только я увижу астрономические аргументы (восходящие к Морозову, но уточненные им, Фоменко), то сразу же перейду в его веру. Он пришел ко мне с картами и чертежами. Возьмем Пелопоннесскую войну Афин и Спарты. В книгах Фукидида описаны три затмения: два солнечных с интервалом 7 лет и затем лунное — через 11 лет. Зная о подобной тройке и зная дату с точностью до сотни лет, можно ее указать абсолютно точно. Впрочем, этот аргумент уже был использован в XVII в., и была указана точная дата начала войны — около 430 г. до н.э. Возражение Фоменко (Морозова) таково: у Фукидида одно из затмений описано как полное, а в тройке, которая реально наблюдалась в конце V в. до н.э., это затмение было неполным на интересующей нас территории. Полное мы найдем 15 веков позднее — в эру крестоносцев-франков. Выслушав Фоменко, я спросил его: как можно делать выводы из столь неточного по своему характеру материала? Это ведь не раздел математической логики. Знает ли он, каков уровень точности в древних описаниях? Был ли Фукидид свидетелем событий, придавал ли значение разнице между полным и неполным затмениями? Одним словом, подобные выводы — очевидная нелепость. Фоменко был огорчен.

Пропагандистская деятельность его и Мищенко стала весьма настойчивой. Когда они начали выступать среди историков, пробивая свои идеи в печать, я заявил, что эта деятельность может нанести урон научному авторитету кафедры дифференциальной геометрии МГУ. Возникли обиды, усугубленные моей низкой оценкой математических работ Фоменко и Мищенко этого времени.

Новая теория, кажется, сильно понравилась 75-летнему математику, академику С.М.Никольскому, который представил работу в печать (И.М.Виноградов отказался). Однако вскоре между Фоменко, Мищенко и Постниковым возникла ссора. Трудился реально один Фоменко, но Постников хотел слыть «лидером». Это с одной стороны. С другой — назревала реакция главных историков. Фоменко начал смягчать наиболее острые утверждения, отречься от опровержения истории, стремясь перевести все в русло статистического анализа источников, без каких-либо далеко идущих выводов.

Пользуясь отступлением Фоменко, Постников опубликовал в журнале «Техника — молодежи» статью, где в четкой форме сделал утверждение о несуществовании древней истории, приписал все «открытия» себе с указанием на своих адептов, уточняющих детали. В ответ три академика-историка с большим партийно-идеологическим весом, в их числе Б.А.Рыбаков и Ю.В.Бромлей (не помню, кто третий), написали резкое письмо в ЦК, призывая закрыть морозовщину коммунистическими методами, а Фоменко и Постникову запретить преподавание. Фоменко бегал объясняться в ЦК. Он рассказывал мне, как один крупный чиновник из отдела науки и образования ЦК сказал ему дружественно:

«Мне абсолютно безразлично, когда именно убили Юлия Цезаря». Этот чиновник, как говорил Фоменко, позвонил в «Технику — молодежи» и «посоветовал» опубликовать опровержение Фоменко на статью Постникова. С этого момента поведение Фоменко меняется. Он стал говорить, что порвал с историей. Действительно, в эти годы (1984—1990) Фоменко стал снова активно заниматься математикой, трехмерной топологией. В теории трехмерных многообразий его вклад мне представляется весьма полезным. Он оказался умелым организатором численно-топологических расчетов.

Так или иначе, но я решил в этот период, что Фоменко «выздоровел», и стал его поддерживать. У меня возобновились с ним теплые и, как мне казалось, доверительные отношения. Кстати, я заметил (это было уже во второй половине 80-х годов), что В.А.Садовничий, тогда первый проректор МГУ, очень хорошего мнения о Фоменко. Садовничий мне это сам высказал после доклада Фоменко о компьютерно-топологических работах, совместных с Матвеевым, на Математическом обществе где-то около 1987 г. Я сказал Садовничему, что это хорошие работы. В конце 80 — начале 90-х годов я стал надеяться, что мне удастся передать Фоменко кафедру и Московское математическое общество, где я был президентом с 1985 по сентябрь 1996 г.

Только после 1992 г. окончательно стало ясно, что мне не удастся выполнить данное когда-то А.Н.Колмогорову обещание — возглавить и возродить отделение математики мехмата: хотя Н.Н.Боголюбов меня и поддерживал, А.А.Логунов и В.А.Садовничий в 1985—1987 гг. резко воспротивились. Мне стало ясно, что мехмат МГУ находится на стадии умирания, хотя, возможно, отдельные живые органы могут действовать долго¹.

Я начал поддерживать деятельность более молодых хороших математиков по созданию Независимого университета (Арнольд был здесь активен еще до меня).

ТРИУМФ МОРОЗОВЩИНЫ

В конце 1990 г. Фоменко (не без моего участия) был избран членом-корреспондентом на последних выборах в Академию наук СССР. Перед выборами я организовал опрос членов Московского математического общества

Позднее, в 1995 г., когда Фоменко опубликовал поток книг в Издательстве МГУ по опровержению древней истории и начал опровергать историю России, он был приказом ректора поставлен во главе Отделения математики мехмата МГУ; историческая деятельность вошла в научные планы мехмата. Не станет ли Отделение математики мехмата МГУ посмешищем в глазах мировой науки?

ва: кого из наших математиков, еще не избранных в Академию, они считают лучшими? Кого каждый из них считает лучшим в своей узкой области математики? О членах Академии мы не спрашивали из соображений корректности. Ю.И.Манин и Я.Г.Синай (которые еще не были даже член-корами) далеко оторвались от других, а из остальных Фоменко шел в первой

тройке, вслед за Б.Е.Маргулисом и Д.В.Аносовым. Я понимал, конечно, что он обязан своей популярностью как искусной, красиво сделанной рекламе, так и симпатии математиков в СССР (да и за рубежом) к своим картинам. Я поддержал избрание Фоменко членком после того, как стало ясно, что Синай не проходит, а Мамин и Аносов уже были выбраны. Фоменко активно поддержал Никольский.

Мир начал быстро меняться. Я стал на часть года уезжать в различные страны. В 1992 г., проводя весенний семестр в Мэриленде, я узнал, что Фоменко по договоренности с Логуновым и Садовничим разделит мою кафедру. Перед моей поездкой в США он мне ни слова не сказал о своих планах. Как быстро выяснилось, Фоменко нужна была кафедра в качестве базы для нового тура крупномасштабного наступления на историю.

Тогда же, весной 1992 г., я последний раз поддержал (весьма слабо) Фоменко на выборах в РАН, на этот раз в академики: я прислал e-mail из США, где заявлял, что поддерживаю Адяна, Аносова, Ульянова и Фоменко. Тогда его не выбрали.

По возвращении из США в 1992 г., через месяц после выборов в Академию, я узнал две вещи, которые были для меня большой новостью.

Первое — это разгром в научной литературе книги Фоменко по геометрии. Я имею ввиду отзыв известного американского математика Альмгрена в «Bulletin of AMS» на книгу Фоменко по многомерному вариационному исчислению, где указывались грубые ошибки, о которых Альмгрен сообщил Фоменко до выхода книги. Один из лучших геометров мира — М.Громов — публично заявил в Мэриленде, что статьи и книги Фоменко написаны очень ловко: красота презентации результатов во введениях, как и на публичных лекциях, не имеет никакого отношения к малоинтересному, абстрактному содержанию его математических теорем.

Второе, о чем я узнал летом 1992 г., — что в Издательстве МГУ незадолго до этого появилась книга Фоменко «Методы статистического анализа нарративных текстов и приложение к хронологии», в которую вошел полный состав всего морозовского бреда. При публикации ее университет поступил осторожно: было сообщено, что книга издается за счет автора. Книга открывалась отзывом «президента Международного общества им. Бернулли» профессора А.Н.Ширяева, где говорилось о достижениях этой книги в области математической статистики. Западные вероятностники, которым я уже показал «Историю по Фоменко», поражаются этому отзыву: они знают Ширяева как человека умного и рационального. Как сообщил мне сам Ширяев, он посылал книгу на отзыв трем западным экспертам из Общества Бернулли, и реакция их была положительной. После длинного разговора Ширяев, однако, признал, что он посылал сочленам по Обществу Бернулли отнюдь не текст книги, а английское резюме, где предлагался некий статистический тест и заявлялось о намерении применить его к истории. Именно это и было прорецензировано. Самого опровержения истории в этом английском резюме не было. Дальше позвольте мне роль Ширяева не комментировать.

За последние 25 лет я неоднократно наблюдал случаи, когда доказывалась какая-то чушь (например, что человек усваивает азот прямо из воздуха, не говоря уже о разных нелепых теориях в астрофизике и т.д.), — и всякий раз тут оказывался свой матстатистик, который давал научную базу с помощью «умной» статистической терминологии. К сожалению, дважды на моей памяти это были мои коллеги, вероятностники и статистики из Института Стеклова. Статистика — такая вещь, что если засунуть правильно сделанные данные, то и получишь что надо — был бы интерес.

Бухштабер — один из лучших моих учеников в топологии, работающий также в прикладной математике, — по просьбе действительно серьезных прикладных статистиков из его с Айвазяном семинара несколько лет назад приводил к ним Фоменко с его теориями и данными, отстраняясь (как друг Фоменко) от личного участия.

Фоменко сделал доклад красиво, но они запросили и рассмотрели сам материал по существу и затем пожали плечами — ничего здесь нет.

В декабре 1993 г., во время конференции по геометрии, проходившей в Тель-Авиве, я был в гостях у Лени Макар-Лиманова, математика нашей школы, и предложил пари: откройте мне книгу Фоменко (о которой уже говорилось) на любой странице три раза, и я найду на этой странице что-нибудь фантастическое. У сына Макар-Лиманова, студента, эта книга была. Пари состоялось. В первый раз я указал на отождествление Древней Ассирии с Германией. Во второй раз — на идентификацию вавилонского пленения древних иудеев с авиньонским пленением пап. В третий раз — на идентификацию германского вождя Одоакра (Одовака-ра), убившего в 476 г. последнего западно-римского императора, с Отто Кайзером, императором Германской империи, жившим несколько столетий спустя. Я выиграл.

В последующие годы Фоменко выпустил целый поток книг по опровержению истории. В некоторых из них он продолжал помещать предисловие «президента Общества им. Бернулли» А.Ширяева. Книги Фоменко уже стали официально издаваться под маркой МГУ, мехмата, учебно-научного центра при МГУ и т.д. История опровергнута с помощью математики! Это уже не хобби, а основная работа.

Фоменко успешно опроверг и русскую историю. Киевской Руси не было. Монгольского ига не было. Батый — это русский атаман по прозвищу Батя, он же Иван Калита. Дмитрий Донской — он же Тохтамыш, причем так называемая Куликовская битва была на самом деле в Москве, «на Кулишках». Ставка Мамаю была где-то на Таганке. Иванов Грозный было четыре (не мог же один человек иметь 8 жен!), один из них стал Василием Блаженным...

Фоменко дал серию интервью широкой прессе об этих открытиях. Осенью 1995 г. он в числе прочего поведал «Комсомольской правде», что Исаак Ньютон придерживался тех же взглядов на достоверность истории, что и он. Говорил он это и в других местах.

Как это может быть, скажите на милость, если Ньютон в специальных трудах анализировал вопрос:

родился Иисус Христос точно в нулевом году или на несколько лет раньше? Кажется, по Морозову—Фоменко, здесь нужно говорить о смещении разных имен и смещении дат лет на тысячу. Ньютон сомневался в достоверности египетской истории более чем трехтысячелетней давности (британцы этого стесняются, хотя, вспомните, это было начало XVIII в., когда достоверной считалась лишь Библия). Подвергать сомнению основные события последних трех тысячелетий Ньютону не пришло бы в голову и в тяжелом сне. И все это, как утверждает Фоменко, доказано с помощью математики! Его выбрали академиком РАН в 1994 г. при активной поддержке И.Р.Шафаревича, а в 1996 г. — заместителем академика-секретаря Отделения математики РАН, причем на обсуждении за его исторические изыскания заступился академик В.П.Маслов. Скажите, пожалуйста, почему подобная деятельность стала помогать административно-научной карьере Фоменко?